

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О книге Г. Микаеляна
„История Киликийского армянского государства“*

1.

Рецензируемое исследование Г. Г. Микаеляна посвящено изучению одного из важнейших периодов истории армянского народа—истории Киликийской Армении. Как правильно отмечает автор, изучение истории Киликийского армянского государства «имеет немаловажное значение для советской исторической науки» (стр. 493), что «культурные ценности, созданные киликийскими армянами, вошли крупным вкладом в общую сокровищницу культуры армянского народа...» (стр. 494) и что «с этой точки зрения изучение истории Киликийского армянского государства имеет большое значение для истории армянского народа, для истории СССР» (стр. 494—495). Вместе с тем Киликийская Армения в XI—XIV вв. «была как бы в фокусе политических событий того времени на Востоке, а также экономического и отчасти культурного общения Европы с Азией» (стр. 494), принимала активное участие и сыграла заметную роль в политических, торговых и культурных взаимоотношениях ряда стран, и поэтому изучение истории Киликийской Армении имеет значение для выяснения международных отношений крестоносцев, монголов и др. на Ближнем Востоке и в Европе.

Рецензируемая работа представляет собой историю возникновения, развития и упадка армянского государства в Киликии.

Она состоит из 12 глав. Первые две главы составляют предисторию образования армянского государства в Киликии (гл. I—«География страны»; гл. II—«Киликия до возникновения на ее территории армянского государства»). Третью главу—«Эмиграция армян и возникновение армянских княжеств...»—тоже можно было включить в предисторию.

Главы IV, V, VIII, X, XI и XII посвящены внутривнутриполитической истории и международным сношениям Киликийской Армении. Таким образом, почти половина книги посвящена политической истории страны, а если к этому прибавить еще первые три главы, то почти 3/4 книги посвящены политической истории страны. Городам, торговле и торговым путям Киликийской Армении посвящены главы VI и IX, всего 74 стр. Одна большая VII глава (88 стр.) специально посвящена общественно-политическому строю Киликийской Армении, хотя об общественных отношениях вскользь упоминается и в других главах.

Глава I хотя и озаглавлена «География страны», однако здесь автор останавливается также на вопросах о политическом, стратегическом и

* Г. Г. Микаелян, История Киликийского армянского государства, изд. Акад. наук Арм. ССР, Ереван, 1952.

экономическом значении Киликии. Правильно указано, что Киликийскую Армению не следует смешивать с Малой Арменией, история которой восходит к началу 1-го тысячелетия до нашей эры. Малая Армения занимала территорию от Евфрата на востоке до Антитавра на западе. Некоторые средневековые латинские хронисты ошибочно название Малой Армении стали распространять и на Киликию. Однако и в средние века не только армянские, но и многие другие хронисты отчетливо представляли себе разницу между Малой Арменией, исконной армянской территорией, и Киликией, где армянская государственность появилась лишь в XI в. Как указывает Г. Г. Микаелян, об этом хорошо знали на Руси, о чем свидетельствует «Повесть о временных лет» (перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, М.—Л., 1950, стр. 9), где четко представлены три армянские страны: «Киликия», «Арменья Малая и Великая».

Во второй главе, на стр. 25—53, дается краткая политическая история Киликии с древнейших времен до конца X в. н. э. Здесь дана по сути дела внешнеполитическая история, ибо «внутренняя история Киликии древнего периода почти неизвестна...» (стр. 25). Таким образом, здесь рассказывается о борьбе отдельных государств за господство над Киликией—государств хеттов и египтян, ассирийцев, персов, римлян, византийцев и арабов.

Со второй половины VII и до конца X в. Киликия представляла собой арену ожесточенной борьбы между византийцами и арабами. Более трех веков (VII—X) продолжалась борьба между Византией и Багдадским халифатом за Армению, Малую Азию, Киликию, Сирию и Месопотамию (стр. 48). «С целью защиты Малой Азии византийское правительство расселило в ее пограничных областях славян и армян...» (стр. 41). В IX и особенно в X веке «армянские войска играли значительную роль в византийской армии» (стр. 43). В период борьбы между Византией и Багдадским халифатом имели место интенсивная эмиграция и насильственное переселение армян из Армении в Малую Азию, главным образом в Каппадокию (VII—IX вв.), в Месопотамию, Киликию и Сирию. Так, например, византийский полководец Лев в 688 г. разорил 25 округов Армении и выселил оттуда в Малую Азию 8000 семейств. Армяне затем в 747, 751, 752 гг. были переселены в Малую Азию из Мелитены, Карина (Эрзерума). Переселение армян в Сирию началось еще в V в., но особенно усилилось в период арабского господства в Армении. В X в. усиливается переселение армян в Киликию.

В III главе (стр. 54—80), которую тоже можно отнести к «предистории» Киликийского армянского государства, автор продолжает говорить об эмиграции армян. Об этом же, как указано выше, говорилось и в I гл. (стр. 8—9), и во II главе (стр. 48—53). С древнейших времен и до XI в. византийское правительство поощряло переселение армян из коренной Армении в заевфратские области. Таким образом, численность армянского населения в странах к западу от Евфрата все время в течение столетий увеличивалась. «Этот длительный процесс роста армянского населения в Киликии... в значительной мере содействовал успеху возникновения Ки-

лийского армянского государства» (стр. 9). Новый, особенно массовый прилив армян в Малую Армению, Каппадокию, северо-западную Месопотамию, Сирию и Киликию усилился в XI в. вследствие агрессии Византии в Восточной и Южной Армении и вторжения сельджуков в Армению и Малую Азию. Поэтому неудивительно, что в Каппадокии, Месопотамии, Сирии и Киликии возник ряд вассальных княжеств, которые образовали новую оборонную линию против сельджуков от р. Галис до Евфрата, от Тавра и Антитавра до Средиземного моря, так как Византия, разгромив армянские царства в Восточной и Южной Армении, заставив значительную часть армянского населения этих районов переселиться на запад, тем самым облегчила вторжение и дальнейшее продвижение вперед сельджукских орд в глубь Византии.

Следует отметить, что византийские императоры поручали управление восточными территориями империи и их защиту армянским князьям. Правитель одного из этих княжеств—князь Филарет Варажнуни—сделал попытку объединить под своей властью Киликию и ряд областей Месопотамии и Сирии, где преобладало армянское население. После поражения Византии при Маназкерте в 1071 г. и после того, как она была отрезана сельджуками от Сирии, Киликии и Месопотамии, Варажнуни настолько окреп, что создал обширное владение от границ Армении до Восточной Киликии, с центром в Мараше, и тем самым временно преградил путь дальнейшему движению к этим областям сельджуков. Византия вынуждена была признать эти завоевания Варажнуни и присвоила ему сперва титул Севаста, а затем провозгласила его «Августом».

Таким образом, еще до возникновения в Киликии власти Рубенидов Филарет Варажнуни, опираясь на армянских феодалов, овладел большей частью этой страны. Однако в 1084 г. малоазийский сельджук Сулейман захватил владения Варажнуни, в том числе Антиохию и Киликию. В дальнейшем все эти и другие территории были захвачены иранскими сельджуками во главе с Мелик-шахом. Эфемерное государство Филарета Варажнуни было разгромлено сельджуками.

В IV главе (стр. 81—138) рассказывается об образовании армянского княжества Рубенидов в Киликии в XI в. и о его борьбе за независимость в XII в. Хотя Византия уничтожила в X—XI вв. армянские царства, однако мысль о создании самостоятельного государства не покидала армянских феодалов. Эта мысль не покидала их и после опустошительного вторжения сельджуков в Армению, о последствиях которого современник этих событий Аристаке Ластивертский писал: «И ныне на перекрестке всех дорог лежит Армения, оголенная и опозоренная, и проходящие ее попирают и поносят...» (см. Микаелян, стр. 63—64).

Одному из армянских княжеств—княжеству Рубенидов—удалось не только стать самостоятельным, но и воссоздать армянскую государственность, на этот раз далеко от Великой Армении, на берегу Средиземного моря.

Рубениды первоначально овладели горными районами Киликии. Они далее в течение XII в. вели ожесточенную борьбу с Византией за Рав-

нинную Киликию. Эта борьба завершилась в 1182 г. изгнанием византийцев из последнего их опорного пункта в Киликии, из города Тарса. В этот же период Рубениды одновременно вели ожесточенную борьбу с алчными крестоносцами Антиохии, которые не хотели допустить армян к выходу в Средиземное море. Вместе с тем Рубенидам приходилось вести борьбу и со своими соперниками, армянскими князьями Ошинидами, владетелями Ламброна, вассалами Византии. Если в 80-е годы XI в. в Киликии существовало три крупных армянских княжества—Рубенидов на севере, Ошинидов на северо-западе и Варажнуни на востоке страны,—то в 80-е годы XII в. как в Горной, так и в Равнинной Киликии установилась верховная власть Рубенидов. Основной же причиной военно-политического успеха Киликийского армянского государства являлось то, «что киликийские армяне к этому времени заняли и значительно заселяли Киликию... Армяне компактными массами проживали в городах и селениях Киликии... Им принадлежала ведущая роль в экономике страны, что обусловило политическую мощь Киликийского армянского государства» (стр. 134). С приходом к власти Левона II (1187—1219) вековая борьба армян Киликии увенчалась успехом: армянское государство овладело «побережьем Средиземного моря от Александретты до Селевкии», (стр. 131) и стало, таким образом, «одним из сильных государств на восточном побережье Средиземного моря» (стр. 152). Этот факт вынуждены были признать как Византия, так и латинские княжества и другие государства, которые признали Левона II царем Киликии, а византийский и германский императоры выслали ему корону (стр. 157).

В V, VIII, X, XI и XII главах дается политическая история Киликийской Армении, с царствования Левона II и до падения ее в 1375 году.

Излагая историю возникновения, развития и падения Киликийского армянского государства, автор критически разбирает исторические факты, дает обстоятельный и глубокий анализ той сложной международной обстановки, в которой происходило царствование Левона II и его преемников.

Среди причин упадка Киликийской Армении наряду с другими автор правильно указывает также на ожесточенную классовую борьбу между крестьянством и феодалами, на почти постоянную борьбу между королевской властью и отдельными непокорными княжескими родами, вроде Ламбронских, и между отдельными феодалами за владения и рабочие руки.

После падения Киликийского армянского государства экономический упадок Киликии продолжался и особенно усиливался с XVI в., когда эта страна была завоевана турками и управлялась в течение длительного времени вождями феодально-патриархальных родов кочевых туркменских племен. Армянское население Киликии в течение многих веков подвергалось жесткой эксплуатации со стороны турецких феодалов и политическому угнетению со стороны турецкой администрации. Армяне Киликии не прекращали борьбы со своими угнетателями, особенно в горном районе Зейтун, где почти все время были независимыми или находи-

лись в формальном подчинении турецким султанам. Борьба армян Зейтуна за свою независимость особенно усилилась в XVIII—XIX вв. В 1802 г. произошло крупное Зейтунское восстание армян против турецкого султана, во время которого потерпела поражение 30 тыс. армия Азиз-паши. Во второй половине XIX в. армяне Киликии, как и ряда других частей Турецкой империи, вели национально-освободительную борьбу против султанской Турции. Турецкие же захватчики планомерно добивались физического истребления армянского народа.

Обзор политической истории Киликийского армянского государства можно завершить словами автора, высказанными им на стр. 138 рецензируемой книги: «Ни в эпоху Киликийского армянского государства в XI—XIV веках, ни позже армяне Киликии или собственно Армении помощи с запада не получили. Как завоевательная политика крестоносцев в средние века, так и политика европейских государств в новое время, как дипломатия папства в эпоху крестовых походов, так и дипломатия великих держав в эпоху империализма принесли армянскому народу только бедствия и страдания».

О городском хозяйстве, о внутренней и внешней торговле автор рассказывает частично в I главе и обстоятельно в VI и IX главах своей работы.

На основании неопровержимых данных он показывает, что в начале XIII в. Киликийская Армения имела морской берег длиной до 500 километров, от Александретты на востоке и до Памфилии на западе. Киликийской Армении принадлежали также все горные проходы Таврских и Аманских гор. Территория Киликийской Армении в XIII в. равнялась 40.000 кв. км, а население доходило, вероятно, до 1.000.000 человек, подавляющее большинство которых составляли армяне, как об этом свидетельствуют средневековые не только армянские, но и латинские и др. иностранные хроники.

Говоря о городском хозяйстве и о политическом устройстве киликийских городов, автор правильно отмечает, что эти вопросы «не изучены и плохо поддаются изучению», что «...архивные материалы киликийских городов, подвергавшихся неоднократным ограблениям со стороны мамелюков и турок, безвозвратно погибли» (стр. 396). Однако имеются многие данные, говорящие о развитии товарно-денежных отношений в Киликийской Армении, что там было довольно развито денежное обращение, что достаточно была развита «торговля во всех ее видах (внутренняя, внешняя и транзитная...)» (стр. 398).

Важное значение имеет то обстоятельство, что в Киликийской Армении в условиях феодализма в производстве применялся также наемный труд (стр. 180), хотя и «основой экономики... продолжало... оставаться мелкое хозяйство зависимых крестьян и производство ремесленников» (стр. 398).

Говоря о значении ремесленного производства, автор правильно указывает, что хотя оно находилось под влиянием купеческого капитала, однако «еще не очень сильно зависело от него» (стр. 399). По ряду при-

чин в XIV в. в Киликийской Армении экономическое развитие не дошло еще «до возникновения зародышей мануфактурного производства» (стр. 399). Поэтому правильным следует считать критику автора в адрес историка Лео, ошибочно считавшего, что Киликийская Армения вступила якобы в век капитализма и что дворянское землевладение растворялось в денежном хозяйстве.

Но, с другой стороны, автор правильно подчеркивает значение торговли, особенно в XIII—XIV вв., когда в течение одного столетия «участие и роль Киликийской Армении в мировой торговле были очень значительными» (стр. 376). В городах Киликии и особенно в Айасе предметом купли-продажи составляли следующие товары: перец, имбирь, корица, сахар, ладан, фимиам, краски, лак, красная камедь, хлопок, железо, медь, олово, свинец, зерно, пряности, ароматы, драгоценные камни, шелк, сукно, меха и др. Как в Киликии, так и в соседних и ряде дальних стран в ту пору применялся труд рабов, которыми тоже торговали.

В гл. VI и IX автор обстоятельно рассказывает о торговых сношениях Киликийской Армении с странами Западной Европы, особенно с Италией (Венеция, Генуя), а также с Крымом, Ираном, Индией, Китаем и др. странами.

Интересно отметить, что, по свидетельству армянских писателей, при совершении торговых сделок денежные суммы переводились из одной страны в другую при помощи «банкиров».

Для того, чтобы ликвидировать конкуренцию города Айас в транзитной торговле через Средиземное море и захватить страну, враги Киликийской Армении—мамелюки и туркмены—совершали систематические нападения. Эти нескончаемые вторжения мамелюков и туркменов, «сопровождавшиеся избиением и уводом в плен жителей, грабежом и разрушением городов и селений, подорвали экономику страны и ускорили упадок Киликийского армянского царства во второй половине XIV века» (стр. 24).

Общественному и государственному устройству Киликийской Армении посвящена самая большая, VII глава работы (стр. 203—290). Идеологическая форма классовой борьбы разбирается на стр. 203—237, государственное устройство на стр. 237—264, положение классов на стр. 265—290. На основе правового материала и произведений армянской литературы той эпохи автор изучает вопросы, связанные с эксплуатацией народных масс и классовой борьбой. Он указывает, что еще до образования Киликийского армянского государства среди трудящихся армян возникали ереси, как идеологическая форма классовой борьбы, как протест эксплуатируемых масс против гнета класса феодалов. Носителями одной из этих ересей являлись тондракийцы, осуждавшие феодальный строй, церковную организацию, загробную жизнь, таинства, возмездие за грехи. Несмотря на то, что византийский правитель Южной Армении и Месопотамии Григорий Магистр в 50-х годах XI в. огнем и мечом преследовал тондракийцев, однако их учение распространилось и в Киликии. «Оживление еретических идей среди армян Месопотамии»

тами, Сирии и Киликии» было вызвано ростом товарно-денежных отношений, дальнейшим углублением противоречий феодального строя и усилением эксплуатации крестьян и ремесленников в XII—XIII вв. (стр. 228—231). Эти ереси «в Киликии и соседних странах имеют идейную связь с ересями прежних времен Передней Азии и, особенно, Армении» (стр. 229), и не исключена возможность, «что крестоносцы занесли некоторые идеи тондракийской ереси в Европу» (стр. 232).

Говоря о формах классовой борьбы, автор на стр. 237 делает категорический вывод о том, что «социальные противоречия и классовая борьба в Киликийской Армении не приняли форму восстаний крестьян или ремесленников» и не объясняет почему, хотя на стр. 215—216 автор правильно указывает, что «идеология, социальные движения народных масс, общественные течения средневекового общества Армении, а также Киликийской Армении, еще недостаточно изучены...» (подчеркнуто нами—А. С.).

На стр. 396 автор правильно указывает, что писатели Армении XIII—XIV вв. «почти не интересовались вопросами экономики страны и дают скудные сведения о городской жизни и хозяйственном строе феодального поместья Киликии». Однако, используя дошедшие до нас литературные данные, автор пытается определить общественный и политический строй Киликийской Армении. Феодальный строй в Киликийской Армении развивался как продолжение в новых условиях отношений, сложившихся еще в коренной Армении в эпоху Багратидов (стр. 238); поэтому западноевропейское влияние, европейские титулы и обычаи, проникшие в Киликию, «не изменили самобытной сущности феодальной системы Киликийского армянского государства...» (стр. 242). Развитие городов, расширение внутренней, внешней и транзитной торговли влияли на феодальный строй страны, где в «XIII—XIV веках процесс разложения феодального строя Киликии находился в начальной стадии» (стр. 397). В этот период «товарно-денежные отношения начали проникать в деревню» (стр. 397). Однако это развитие еще не вызвало коренных изменений в городе и деревне: «основной экономики... продолжало в основном оставаться мелкое хозяйство зависимых крестьян и производство ремесленников» (стр. 398). В Киликийской Армении дело не дошло до возникновения зародышей мануфактурного производства. Этому помешали как устойчивость феодальных отношений, так и почти непрерывные и всегда разрушительные вторжения в Киликию мамелюков, а также общий упадок в странах Передней Азии, вызванный монгольским игом. «Поэтому было прервано развитие всего того, что могло бы привести к разложению феодального способа производства в Киликийской Армении» (стр. 399). Наличие натурального хозяйства, слабое развитие внутреннего рынка, преобладание транзитной торговли над вывозной, сильная конкуренция иностранных купцов, опустошительные вторжения мамелюков и другие причины тормозили «нормальное развитие армянской городской буржуазии, как бюргерства эпохи позднего средневековья...» (стр. 401), и при таких условиях «армянская городская буржуа-

зия не могла сложиться как влиятельная общественная сила» (стр. 401). Господствующим классом в Киликии оставался класс светских и духовных феодалов, которые вместе с купцами жестоко эксплуатировали крестьян и ремесленников. Земля принадлежала классу феодалов, причем «владения киликийских феодалов в ту эпоху являлись не бенефициями, а феодами, вотчинами» (стр. 266). На стр. 248—282 дается характеристика отдельных разрядов феодалов, а также показаны формы эксплуатации ремесленников и крестьян по «Судебнику» Смбата.

На стр. 238—258 наряду с другими вопросами автор касается и государственного строя Киликийской Армении, на конкретных примерах показывает существовавшую в XIII—XIV вв. военно-ленную систему вассалитета-сюзеренитета, описывает органы центрального и местного управления. Автор правильно указывает на стр. 251, что власть царя «в Киликийской Армении по отношению к феодалам была более сильна и авторитетна, чем власть сюзерена в отношении вассала среди крестоносцев и в Западной Европе в эту же эпоху», что Киликийская Армения «не распадалась на отдельные феодальные княжества, подобно Иерусалимскому королевству...» (стр. 253—254), что «создание в конце XII—начале XIII вв. более организованного (чем было Киликийское армянское княжество) феодального государства было обусловлено развитием производительных сил и вытекало из интересов феодалов» (стр. 243), что обострение классовой борьбы, развитие городов и внешне-политические условия страны обусловили организацию более сильной центральной власти.

Таково вкратце содержание рецензируемой книги.

* * *

Работа имеет, как нам кажется, следующие недостатки:

1. В ней отсутствует историографический очерк. Свои критические замечания по тому или другому взгляду или труду того или другого историка автор высказывает в самом тексте исследования. Конечно, можно в работе критиковать те или иные неправильные взгляды, полемизировать с тем или иным автором, но прерывать изложение темы, чтобы высказать библиографические сведения—неудачный прием. Далее, без историографического очерка не всякий читатель поймет в какой мере данный вопрос был предметом исследования до появления труда Г. Г. Микаеляна, что именно нового внес автор в нашу историческую науку. В своем труде Г. Г. Микаелян использовал очень много работ как средневековых авторов, так и буржуазных авторов XIX в. О некоторых из них Г. Г. Микаелян высказывает свои критические замечания, однако он не показал своего марксистского отношения к средневековой и буржуазной литературе по изученному им вопросу в целом. Библиографические сведения об авторах, труды которых использованы Г. Г. Микаеляном, мы находим на многих страницах его исследования—на стр. стр. 134—138, 150, 161, 180, 199, 208—234, 240, 244, 260, 263, 287, 309, 313, 396 и др. А между тем об этих авторах и их произведениях можно было

говорить в специальном очерке или в отдельном параграфе и избежать историографических вставок в самом тексте исследования.

Однако вместе с тем здесь же следует отметить, что автор дает в основном правильную марксистскую критику ошибочным взглядам ряда авторов. Например, на стр. 244, где критикуется идеалистический метод исследования В. Дюлорье и В. Ланглуа, которые установление феодализма в Киликии связывали с деятельностью Левона II, рассматривая феодализм как государственно-правовую категорию; на стр. 374—375, где указывается на извращения, допущенные К. И. Куниным и В. Шкловским по истории Киликии; на стр. 399, где критикуется антимарксистский взгляд историка Лео об экономическом строе Киликийской Армении; на стр. 424, где разоблачаются расистские взгляды Бруна и Г. Ховорта, которые монгольское иго рассматривали как якобы положительное явление. Далее, при изложении событий автор стремится привести наиболее достоверные источники, проявляет свое критическое отношение к первоисточникам, приводит противоречивые сведения по одному и тому же вопросу, выбирает из них на его взгляд наиболее достоверное и подкрепляет его другими свидетельствами.

Однако встречаются и случаи, когда автор, вступая в полемику с другим автором, отрицает точку зрения последнего, но в свою очередь не дает своего решения вопроса или же дает неудовлетворительное объяснение. Например, на стр. 87—88 он опровергает предположение Н. Адонца о том, что Рубен был сперва византийским стратегом и правителем, а затем добился самостоятельности, но опровержение не звучит убедительно, так как автор все же не объясняет происхождение князя Рубена I. На стр. 321—322 автор опровергает мнение Алишана о численности войска царя Хетума, но это предположение тоже звучит неубедительно, так как оно не подкрепляется достоверным свидетельством. Автор пишет: «Нам кажется, что царь Хетум мог выставить... отряд до десяти тысяч воинов», но почему именно так, а не иначе—он не объясняет, и поэтому утверждение автора остается не подкрепленным источниками. Там же автор опровергает другое утверждение Алишана, считавшего, что монголы уступили Алеппо Хетуму, мотивируя свое опровержение лишь словами: «...монголы не могли уступить...» и т. д., не обосновывая это утверждение источниками. Здесь же отметим сделанную автором критику, на наш взгляд наивную, в адрес армянских политических деятелей XIV века. Правильно указав, что обещания пап о помощи всегда оказывались лживыми, автор задним числом считает, что «правлящим кругам Киликии необходимо было сделать соответствующий вывод и не верить лживым обещаниям папских политиков...» (стр. 445). Далее, на стр. 455 автор вновь обрушивается на армянскую знать, «которая в течение почти целого столетия не сумела понять, что проекты нового похода нереальны» и что напрасны надежды на помощь со стороны Европы. Но тут же автор, говоря об обещаниях Запада и о стратегическом значении Киликии, утверждает, что «это—одно из свидетельств, что Филипп VI серьезно думал совершить поход на Восток». Таким образом,

Г. Г. Микаелян верит в серьезность обещаний Филиппа VI, но хочет, чтобы армянские дипломаты XIV века этому не верили. Дело, конечно, не в том, что армянские феодалы и купцы верили или не верили обещаниям Запада, а в том, что другого выхода из создавшегося для них критического положения у них не было, тем более, что часть этих феодалов, купцов и духовенства экономическими и иными интересами была связана с Западом.

2. В работе отсутствует научная периодизация. История Киликийской Армении у Г. Г. Микаеляна изложена хотя и не «по царям», но все же «по векам». Безусловно, хронологический принцип должен быть соблюден при изложении исторических фактов, однако нельзя им заменить научную периодизацию. В работе Г. Г. Микаеляна нет научной периодизации по признаку развития феодального общества и феодального государства. Автор подробно рассказывает о феодальных войнах в XII в., о борьбе Рубенидов против Византии за самостоятельное армянское государство, о их борьбе за установление в стране централизованной власти, но из всего этого он не делает выводов о периодах развития феодального государства в условиях древней Армении и Киликийской Армении. На стр. 243 автор делает попытку дать периодизацию истории Киликийского армянского государства следующим образом: «Создание в конце XII—начале XIII вв. более организованного (чем было Киликийское армянское княжество) феодального государства было обусловлено развитием производительных сил и вытекало из интересов феодалов». Далее, тут же указывается, что дальнейшее развитие феодальных отношений, рост городов, усиление классовой борьбы и внешнеполитические запросы феодалов и купцов обусловили создание «более организованного» феодального государства. Во-первых, что значит «более организованное» феодальное государство? Это—растяжимое понятие и мало объясняет сущность данного государства. Во-вторых, создание этого «более организованного» государства вытекало из интересов каких феодалов? Ведь известно из истории феодальных государств, что феодальные магнаты, как правило, выступали против создания централизованной власти. Вместо этих мало убедительных утверждений автору следовало установить—какая форма феодального государства существовала в Киликии в XI—XIV вв.—ранне-феодальная или сословно-представительная монархия. Автор на стр. 157 правильно указывает, что «...коронация Левона II расценивалась современниками... как восстановление армянского царства, как крупное политическое событие в истории армян», но из этого он не делает вывода, что стремление Рубенидов создать централизованную власть в новых условиях являлось продолжением политики последних Аршакидов и Багратидов—покончить с феодальной раздробленностью, заменить вассальные отношения отношениями подданства, возглавить процесс превращения ранне-феодальной монархии в монархию сословно-представительную. Следовало бы объяснить, что это стремление Аршакидов, Багратидов и Рубенидов опиралось не только на средние и низшие слои класса феодалов, но и имущих слоев населения

городов (Аршакавана, Ани, Айаса, Сиса и др.). Следовало далее объяснить, что ни Аршакидам, ни Багратидам и ни Рубенидам не удалось окончательно подорвать мощь центробежных сил класса феодалов. Это объясняется как тем, что армянское городское население средних веков еще не представляло такой силы, чтобы вместе с дворянством стать крепкой опорой монархии в ее борьбе за создание централизованного государства, так и тем, что этому в значительной мере помешало международное положение Армении, нескончаемые войны и разрушительные нашествия кочевых народов—обстоятельства, которые задерживали рост производительных сил и отбрасывали назад производственные отношения. История не только древней, но и средневековой Армении, в том числе и Киликийской Армении, показывает, что царской власти не удавалось нанести смертельный удар по центробежным силам и положить конец раздробленности в стране. А как указывал И. В. Сталин, «ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц» (см. «Правду» от 7 сентября 1947 г.). И история Киликийской Армении подтверждает это указание товарища Сталина.

3. Седьмую главу, самую большую в работе, посвященную общественному и государственному устройству, можно считать, как нам кажется, и самой слабой. Она написана без логически разработанного плана, расплывчато. Целых 30 страниц (207—237) отведено разбору литературных произведений XII—XIII вв., главным образом разбору притч Вардана Айгекского, чтобы показать идеологическую форму классовой борьбы, рост землевладения, закрепощение крестьян, рост купеческого и ростовщического капитала. Однако здесь автор говорит преимущественно об одной лишь форме классовой борьбы—идеологической, нашедшей свое отражение в ересях. О других формах классовой борьбы автор почти ничего не говорит. А между тем задачей историка-марксиста является не столько то, чтобы доказывать существование классовой борьбы (ибо марксизм на опыте всемирной истории давно доказал, что не может быть такого антагонистического классового общества, где бы не существовало классовой борьбы), а в том, чтобы показать конкретные примеры и специфические формы классовой борьбы и тем самым внести свою лепту в несокрушимый фонд марксистско-ленинской исторической науки. Слабо разработан и вопрос о государственном устройстве, которому посвящено 20 страниц (237—258), причем вопросы, касающиеся государственного и общественного устройства перемешаны. А между тем следовало сперва дать анализ общественного строя, а затем государственного устройства.

В той же главе автор, кратко останавливаясь на церковной организации, вновь возвращается к вопросу о государственном и общественном строе, на этот раз на основе изучения правовых памятников, в частности Судебника Смбата. На стр. 264 автор останавливается на взглядах Гоша и Смбата по вопросу о престолонаследии, однако не объясняет в чем

и почему они расходятся. На стр. 270 автор указывает, что Гош «стоит на точке зрения перехода власти от царя к брату», а Смбат—«от отца к сыну», но из этих положений он делает неправильный вывод, считая, что «в этом вопросе Смбат не отклоняется от Мхитара Гоша». Дело здесь в том, что Гош и Смбат действительно расходились. Хотя и Гош, и Смбат стояли за подчинение верховной власти феодальным магнатам, однако Смбат не мог пренебрегать мнением основной массы феодалов-дворянства, которая была заинтересована в упорядочении престолонаследия и в его укреплении. Именно поэтому Смбат стоит за переход власти царя к его сыну, а не к брату. В другом месте, на стр. 241, автор правильно указывает, что стремление к созданию сильной царской власти было обусловлено «интересами класса феодалов в целом..., роста городов... и обострения социальных противоречий и внешнеполитических отношений». Смбат должен был иметь все это в виду при решении вопроса о престолонаследии. Он сделал шаг вперед в этом вопросе по сравнению с Гошем, но все же не дошел до логического конца, ибо он избрание царя, хотя и из среды царевичей, оставлял за крупными феодалами.

Автор иногда дает не совсем точный перевод статей Судебника Смбата и поэтому неправильно комментирует их. Например, на стр. 271 дан неправильный перевод ст. 70, и поэтому Г. Г. Микаелян ошибочно полагает, что рыцарям запрещалось подвергать крестьян телесному наказанию. Эта статья не запрещает рыцарям подвергать крестьян телесному наказанию. Закон лишь запрещает рыцарям самовольно «лишать крестьян отечества», т. е. по своему усмотрению изгонять их из страны. Также дан неправильный перевод ст. 3, где говорится о наследственных правах не только сыновей казенного вассала, но и его братьев.

4. В работе нередки повторения. Например, об эмиграции армян говорится не только в III главе, специально посвященной этому вопросу, но и в I и во II главах. А между тем можно было весь материал об эмиграции сосредоточить в одной главе, в одном месте. О завещании Куропалата Давида говорится и на стр. 48, и на стр. 55. Об образовании Киликийского армянского государства говорится на стр. 9 (гл. I), затем об этом же в IV главе, специально посвященной этому вопросу. Автор на стр. 53 отмечает, что I и II главы составляют «предисторию образования Киликийского армянского государства». В эту «предисторию» можно было включить и третью главу, а все это вместе с историографическим очерком, отсутствующим в работе, объединить во «введении», что тоже отсутствует в работе.

Кроме вышеуказанных, в работе имеются отдельные утверждения, которые вызывают возражения. На стр. 237 автор категорически утверждает, что «социальные противоречия и классовая борьба Киликийской Армении не приняли форму восстаний крестьян или ремесленников». Если это так, то следовало объяснить почему. Конечно, если бы имело место крупное восстание, то оно так или иначе нашло бы свое отражение в литературе того времени. Однако отсутствие подобного рода сведений в литературе еще не даст права утверждать, что не имело места никаких

восстаний крестьян или ремесленников. Утверждение автора на стр. 341, что дальнейшее развитие феодальных отношений «не только способствовало усилению независимости феодалов по отношению к царю, но привело также к усилению феодальной эксплуатации, к обострению социальных отношений между феодалами и крестьянами», является противоречивым. Ведь известно, что усиление феодальной эксплуатации, обострение классовой борьбы между феодалами и крестьянами ведут не к «усилению независимости феодалов», а к их консолидации под эгидой монархии. Закрепощение крестьян ведет к усилению феодальной монархии, что в свою очередь лишает отдельных феодалов части их иммунитетных прав.

На стр. 105 автор утверждает, что в борьбе против императора Иоанна в 1137 г. «участвовал народ, и это обстоятельство имело решающее значение для успешного исхода борьбы армян Киликии за свою независимость». На стр. 343 же он утверждает, что «...народные массы, вероятно, не принимали активного участия в войнах против мамелюков». Известно, что вторжения мамелюков в Киликию сопровождались уводом тысяч мирных людей, которых обращали в рабов. Известно, что каждое поражение армян имело своими последствиями наряду с бесконечными страданиями народа также тяжелый «выход» — контрибуцию, которая тяжелым бременем ложилась тоже на народные массы. Можно ли после этого думать, что народные массы безразлично отнеслись к тому, что им придется наряду с эксплуатацией со стороны внутренних эксплуататоров испытать на себе еще двойное иго извне. Причиной поражения Киликийской Армении в 1266 г. в битве при Мари следует объяснить изменой вассалов царя, которые или вовсе отказались поддержать его, или же оказались не стойкими в бою.

На стр. 241 автор считает, что Нерсес Ламбронский заимствовал термин и понятие «самодержец» («инкнакал») у византийцев. Зачем было Ламбронскому прибегать к подобному заимствованию, когда этот термин и понятие были известны еще Моисею Хоренскому (см. «Историю» Хоренского, ч. III, гг. XV, XIX и др.)? Неправильным является также предположение автора о причине перевода «Ассизов Антиохии» на армянский язык. На стр. 284 он пишет, что задача перевода «Ассиз» «вероятно, состояла в том, чтобы... заставить феодалов лучше выполнять военную обязанность по отношению к царю...» Выходит, что армянские феодалы должны были учиться у латинских феодалов — как лучше выполнять свои вассальные обязанности. А на стр. 251 автор писал, что «власть царя в Киликийской Армении по отношению к феодалам была более сильна и авторитетна, чем власть сюзерена в отношении вассала среди крестоносцев и в Западной Европе в эту же эпоху». Причину перевода «Ассизов» следует искать в другом. Между армянскими и латинскими феодалами и купцами на почве деловых сношений иногда возникали споры. Армяне, судившиеся в Антиохии, и латиняне, судившиеся в Киликии, нередко впадали в ошибки в понимании законов соседнего госу-

дарства. Для предотвращения таких ошибок и были переведены на армянский язык «Ассизы Антиохии».

Занятие армянской области Тарон византийцами отнесено то к 962 году (стр. 48), то к 974 г. (стр. 44, 503), то к 967 году (стр. 55). Получился разнобой.

Рассуждение автора на стр. 59—61 об образовании грекофильской партии среди армянских феодалов и купцов Великой Армении якобы в связи с их борьбой с крепостным крестьянством и тондракийской ересью является искусственным и модернизированным. Он на стр. 60 пишет, что сторонники Византии «надеялись при помощи византийского правительства упрочить свою власть над крестьянством, над народными массами». Но тут же автор утверждает, что «народ, а также значительная часть дворянства, отстаивали политическую независимость страны». Неужели только сторонники Византии были заинтересованы в подчинении себе крестьян? Неужели «значительная часть дворянства», противники византийской агрессии, не вели борьбы против тондракийской ереси? Существование грекофильской партии не было связано с борьбой армянских эксплуататоров против крестьянства и ересей. Армянские феодалы и в частности церковь свирепо преследовали ереси и жестоко расправлялись с крепостным крестьянством, и в этом не нуждались в помощи иностранного государства, тем более Византии, агрессивные намерения которой в отношении Армении имели многовековую давность. О том, что армянские феодалы в их борьбе с крестьянством не нуждались в посторонней помощи, говорит хотя бы то обстоятельство, что, как рассказывает сам автор на стр. 60, армянское войско под руководством Вахрама Пахлавуни дважды отбило атаки крупных армий византийцев против Ани, и Константину Мономаху удалось лишь путем вероломства и с помощью изменников захватить этот город. Образование грекофильской группировки в Армении было связано, как указывает и сам автор на стр. 59, с ее экономическими интересами. Однако это обстоятельство автор почему-то считает менее важным, чем желание этой группировки обеспечить за собой помощь Византии в ее борьбе против крестьян и ересей. Эта группировка, исходя из своих корыстных целей, изменнически обращалась к Византии, чтобы покончить с центральной властью в Армении и сохранить тем самым свои иммунитетные права. Таким образом, политику Византии по отношению к Армении следует рассматривать не как помощь, оказанную господствующим классом одной страны господствующему классу (или части господствующего класса—грекофилам) другой страны, а как агрессию хищника по отношению к стране, ослабленной междоусобицами и другими причинами, о чем говорит и сам автор на стр. 62.

На стр. 110 автор почему-то счел нужным подробно перечислить версии сведений у средневековых хронистов о возвращении Тороса из плена. При этом он опровергает одну из этих версий, но не подкрепляет свое опровержение каким-либо источником или свидетельством. Он лишь

говорит, что эта версия «лишена достоверности», но почему так—он не объясняет.

Иногда автор употребляет термин «суверенитет» как синоним термина «сюзеренитет» (напр., на стр. 121 и на стр. 238—239). Исторические труды средневековых писателей автор называет то «хрониками», то «историями». Например, на стр. 141 в тексте говорится о «Хронике» Смбата, которая в сноске обозначена как «История». В подобных случаях следовало придерживаться названия, данного древним писателем своему произведению.

* * *

Несмотря на указанные выше недостатки, следует приветствовать выход в свет на русском языке труда по истории Киликийской Армении, написанного правдиво, критически и в патриотическом духе. Это первое марксистское обстоятельное исследование о Киликийской Армении. Заслуга его автора перед нашей исторической наукой заключается также в том, что он проявил критический подход в использовании печатных и рукописных работ о Киликийской Армении историков прошлого и дал новое правильное освещение историческим фактам. Особенно следует отметить попытку автора впервые дать анализ общественных отношений Киликийской Армении. Далее, автор поступил правильно, связав историю Киликии с историей Армении, начиная с древнейших времен. Он правильно характеризовал внутреннюю жизнь и международную обстановку Киликийской Армении. Ценным в работе следует признать привлечение и критический разбор не только исторических трудов средних веков и нового времени, но и литературных произведений прошлого, в частности притч Вардана Айгекского. Рецензируемая работа является результатом многолетнего исследования не только большой напечатанной литературы, но также и рукописей. Она снабжена библиографическим, хронологическим и другими указателями. С выходом в свет труда Г. Г. Микаеляна советская историческая наука получила полезное и своевременное исследование по истории Киликийской Армении.

В заключение считаю необходимым выразить свое отношение по поводу рецензии А. З. Ионисиани (см. «Вопросы истории» № 5, 1953 г.). Киликийское армянское государство автор рецензии считает независимым лишь в кавычках. Совершенно неверным является утверждение рецензента, что Г. Г. Микаелян якобы свел историю Киликийского армянского государства к истории царей.

Рецензия А. З. Ионисиани свидетельствует о том, что ее автор не только впадает в ошибочные рассуждения, но и обнаруживает поверхностный подход к истории армянского народа.

А. СУКИАСЯН